

В этот момент к их столику подошёл хозяин, держа в руках два подноса. Один он поставил перед Чэн Ланом, а другой, к удивлению Цзян Дуна, отнёс соседнему столику, где сидела одна девушка.

— Говяжья рисовая чаша с яйцом-пашот, перемешайте хорошенько. А вот ваш сет с курицей и говядиной, мисо-суп нужно перемешать перед тем, как есть.

Цзян Дун замер на мгновение, затем бросил взгляд на столик девушки. Та, словно читая его мысли, обхватила свой поднос и с улыбкой произнесла:

— Эй, это моё! Твой сет из шести или семи блюд ещё подождёт!

Чэн Лан рассмеялся и, не стесняясь, поднял руки, охватив ладонями щёки Цзян Дуна, чтобы вернуть его взгляд к себе.

— Не торопись, я не буду есть, подожду тебя.

Цзян Дун на мгновение растерялся, не зная, как реагировать: отвести взгляд или отстраниться от прикосновения. Его мочка уха оказалась под пальцами Чэн Лана, и он инстинктивно втянул голову в плечи, прежде чем оттолкнуть его руку.

Раздался звонкий хлопок. Чэн Лан замер, а затем заметил, что тыльная сторона его правой руки покраснела. Он понял, что его жест мог показаться слишком фамильярным.

— Прости... — пробормотал он, вспомнив, что «крутые парни» не любят, когда их трогают.

Цзян Дун нахмурился, чувствуя, как щёки, подбородок и уши, которых касался Чэн Лан, начали гореть, словно его руки всё ещё лежали на них. Ему стало неловко, как будто по телу ползали мурашки.

— Ничего... Я, наверное, слишком сильно ударил. Больно?

В этот момент хозяин вернулся, на этот раз с подносом для Цзян Дуна.

Чэн Лан не успел ответить, отодвинув свой поднос, чтобы освободить место.

Сет Цзян Дуна состоял из говядины, баранины и курицы, и хотя порция была больше, чем у Чэн Лана, основное отличие заключалось в дополнительной металлической тарелке с пашлыками, из которых ещё шипел жир.

Чэн Лан протянул Цзян Дуну палочки, и тот, не поднимая глаз, принял их, избегая зрительного контакта.

Чэн Лан заметил, что Цзян Дун, похоже, расстроен. Скорее всего, причина была в его

недавнем прикосновении.

— Ты уже на каникулах? — спросил он, чтобы разрядить обстановку.

Цзян Дун, набив рот рисом, мясом и овощами, почувствовал, как настроение немного улучшилось, и ответил:

— Да, уже два дня.

Затем он вдруг вспомнил что-то, положил палочки и, под взглядом Чэн Лана, достал из кармана небольшой предмет.

— Вот... возьми. Это не очень красиво, но если не понравится, просто отложишь.

Чэн Лан долго смотрел на птицу в его ладони, затем заметил кольцо.

— Это брелок?

— Да, — ответил Цзян Дун. — Ты мне помог, и я хотел сделать что-то для тебя. Это из остатков дрона, я не очень умею...

— Что это за птица? — вдруг спросил Чэн Лан.

Цзян Дун замолчал, поднял глаза и увидел, что выражение лица Чэн Лана отличается от ожидаемого. Его глаза сияли, а губы слегка приоткрылись, словно он был рад.

— Чиж, наверное, — неуверенно ответил Цзян Дун. — Я не особо задумывался, когда делал. Просто цвет подошёл.

— Чиж? — удивлённо поднял бровь Чэн Лан. Он взял брелок, рассмотрел его и заметил, что рисунок был только с одной стороны, а другая была гладкой и серой. В голове у него сразу возник образ дрона, который сделал Цзян Дун, и настроение стало ещё лучше.

— Спасибо, он милый. Я возьму. И еда отличная, как и ожидалось от отличника.

Цзян Дун, который с момента вручения брелка слегка нервничал, наконец расслабился, не заметив шутливого тона Чэн Лана. Он улыбнулся, взял шашлык и с аппетитом начал его есть.

Чэн Лан усмехнулся, достал ключи от машины и прицепил брелок к ним. Ключ от «Кайена» теперь украшала маленькая птичка, что выглядело так же странно, как подставка для телефона на приборной панели.

Цзян Дун посмотрел на это и почувствовал, как в душе зазвучала мелодия.

После обеда им некуда было идти. Проводив «Кайен» взглядом, Цзян Дун постоял на месте, пока холод не начал пробираться до костей, и только тогда направился обратно. Магазинчик в школе при университете уже закрылся, и, проходя мимо, он увидел двух работниц столовой, которые шли домой, улыбаясь, вероятно, в предвкушении новогодних праздников.

Цзян Дун понял, что в ближайшие дни ему придётся питаться только лапшой быстрого приготовления. Может, стоит запастись ею, пока магазин ещё открыт? Лапша с говядиной, с кислой капустой, с морепродуктами, с томатами, с курицей и грибами...

Но ему не хотелось лапши, хотелось нормальной еды.

Он втянул голову в воротник, чувствуя во рту вкус рисовой чаши. Он съел обычную порцию, но чувствовал, что мог бы съесть ещё.

Может, вернувшись в общежитие, он всё же возьмёт одну порцию лапши...

Чёрт, он же только что решил, что не хочет лапши!

Ладно, может, лучше вообще ничего не есть, поскорее умыться и лечь спать. А завтра... завтра что делать?

Цзян Дун замедлил шаг, хмурясь, и взглянул на общежитие, которое уже было совсем близко. У входа росли высохшие ивы, их ветви спутались, и ветер бил ими по лицу, как ледяными кнутами. В этот момент дверь общежития открылась, и оттуда вышел студент, закутанный в тёплую одежду, с двумя большими чемоданами и прозрачными пакетами, в которых были видны одеяло и подушка.

Судя по всему, он собирался домой.

Так поздно?

Студент, тяжело дыша, вышел из здания и случайно встретился взглядом с Цзян Дуном.

Тот, засунув руки в карманы, быстро отвел взгляд и ускорил шаг.

Подойдя к ступенькам, он уже собирался подняться, как студент, стоявший у входа, окликнул его:

— Эй, извини, можешь помочь...

Цзян Дун быстро поднялся по ступенькам, взял один из чемоданов и, глядя на студента, спросил:

— До ворот?

Раньше он видел машину у входа, возможно, она ждала этого студента.

Тот кивнул:

— Да, спасибо. У меня слишком много вещей, а охранник не разрешил заехать на территорию.

Цзян Дун молча взял чемодан, снял с него пакет и понёс в другой руке. Студент пошёл вперёд, облегчённо спуская чемодан по ступенькам. Цзян Дун ожидал услышать стук колёс, но его не было, и он слегка расслабился, следуя за студентом к воротам.

Так как они не были знакомы, Цзян Дун всем своим видом показывал, что не хочет разговаривать, и студент молчал. У ворот он взял у Цзян Дуна чемодан и положил его в багажник машины, возле которой стояла женщина, вероятно, его мать.

Она тепло поблагодарила Цзян Дуна и дала ему банку горячего молока. Цзян Дун, не ожидая такого, хотел просто уйти, но студент схватил его за руку и вручил молоко.

— Спасибо, и тебе счастливого Нового года!

Цзян Дун замер, глядя, как машина трогается и уезжает. Он открыл рот, но затем сжал губы и опустил глаза.

<http://bllate.org/book/15499/1374874>